

У моего театрального училища было две жизни: когда я там училась и когда я там учила.

Сначала о первой из них: я поступила в 1974 году на курс Валерия Семёновича Соколоверова. На первом же уроке он сказал студентам: «Вы имеете право не прийти на репетицию, только если вы умерли». Я тогда (и на всю жизнь) свято поверила в это! И когда в день госэкзамена по мастерству умер мой отец, я пришла и играла спектакль. В честь папы. И он бы понял это, потому что был театральным критиком, любившим театр до самозабвения и подарившим мне эту любовь и преданность.

Многие фразы и нюансы поведения моих педагогов проросли во мне и стали давать плоды, которыми и пользуюсь по сей день.

Валерий Семёнович Соколоверов – руководитель курса, давший превосходную школу актёрского мастерства. В молодости он работал актёром, очень талантливо всегда сам показывал зарисовки характеров. У меня были с Валерием Семёновичем сложные отношения, но он оказал на меня сильное влияние – практически всю мою жизнь я живу вопреки ему:

1. Он считал, что всех надо давить, сильный выживет. Я считаю, что из всех надо, по возможности, доставать всё самое лучшее, что только возможно.

2. Он считал, что актёру ум не нужен. Если я задавала какой-то вопрос, а он не мог ответить, то страшно сердился, кричал, называл меня «театроведка проклятая». Я люблю актёров умных: Юрского, Высоцкого, Басилашвили, Демидову, Ахеджакову, Фрейндлих. Сама всегда студентов прошу самостоятельно думать, а не просто копировать жизненные наблюдения или действовать в соответствии со своими ощущениями.

3. Он создавал некомфортные условия актёру, пусть, дескать, сам находит выход из положения. Я стараюсь максимально помочь, создать удобную творческую атмосферу, чтобы не страшно было экспериментировать.

4. Благодаря Соколоверову на курсе существовал некий диссонанс: с одной стороны, он всегда говорил, что актёр должен работать, как проклятый, но, с другой стороны, каким-то образом внедрялось мнение, что только бездарный трудится, а у талантливого всё само должно получиться. Мы скрывали друг от друга, что думаем над ролью, пробуем что-то самостоятельно создать вне репетиции.

Я очень стараюсь объяснить моим студентам, что работа – это творческая потребность талантливого человека! Что это способ существования, при котором труд, напряжение становятся жизнью, а не воспринимаются как что-то позорное, недостойное одарённого человека.

Однако некоторые фразы Валерия Семёновича я и теперь помню: «Просто так ничего не бывает, просто так только у моей тёщи на кухне». «Устали? Ничего, в театре никому не нужны будете, там и отдохнете!»

А многое стало для меня на всю жизнь таким же важным, как было для моего руководителя курса. Например, максимально честное отношение к делу, без поблажек на настроения и состояния.

Валерий Семёнович учил профессионализму: однажды на первом курсе я заболела гриппом, температура была 39.6, но, поскольку я ещё не умерла, то пошла на репетицию, чувствовала себя героиней, очень собой гордилась. Я надеялась, что мой мастер меня оценит и даже, возможно, похвалит. Во время репетиции (любовная сцена на крыше из пьесы Арбузова «Город на заре») я закашлялась. Соколоверов вскочил и закричал: «Холодная, как собачий нос! Если бы вы верили в предлагаемые обстоятельства, не кашляли бы! Забирайте документы! Вы профнепригодны! (Когда он злился, всегда переходил на «Вы», это звучало как наказание, как угроза, все этого боялись.) Актёр не имеет права болеть, это тоже профнепригодность!» Слава Богу, Татьяна Васильевна Цыганкова, директор, остановила меня.

Валерий Семёнович никогда не опаздывал на урок, после него в класс войти было нельзя. Я никогда никуда не опаздываю – мастер приучил!

5. Вообще мы все Соколоверова боялись. Когда после показов собирались на обсуждения, каждый старался передвинуть свой стул за спину другого – спрятаться. Он входил и, коварно улыбаясь, говорил: «Ну, что? Будем карты раскрывать!» Обычно это означало, что большая часть студентов никуда не годится и должна «забирать документы по профнепригодности».

Я стараюсь в обсуждениях, как учил меня мой папа, всегда, сказав всю правду, дать манящую цель, направление дальнейшего поиска, тогда обсуждение становится не страшным, а интересным.

По счастью, с Соколоверовым на курсе работала Рива Яковлевна Левите. Умная, сдержанная, красивая, интеллигентная, она во многом балансировала бешеные вспышки гнева Соколоверова, которому страшно было задать вопрос, объясняла, защищала студентов, за что мы были ей признательны. После первого курса кое-кто готов был уйти из училища, перейти в какое-то другое учебное заведение, но не сделал этого благодаря Риве Яковлевне.

Потом в работе с моими студентами в училище и теперь на репетициях в театре, если меня подмывает взорваться и закричать, я вспоминаю разницу между двумя моими первыми педагогами и пытаюсь идти по пути Ривы Яковлевны.

С Ривы Яковлевны начался мой рассказ о потрясающих женщинах Театрального училища времён 1974-1978 годов.

Альбина Александровна Нестерова – недостижимая величина, звезда! Холодная, умная, прекрасная! Она не опускалась до уровня студентов, про которых Татьяна Васильевна с грустной иронией говорила: «Да они же букварь в руки первый раз в училище взяли!» Все должны были дотягиваться до понимания того, что говорит Альбина Александровна.

Сначала было очень трудно, нужно было сильно напрягаться, но потом... Когда я училась в университете, мне совсем не надо было готовиться к экзаменам, потому что лекции Альбины Александровны по западной литературе и истории изобразительного искусства крепко сидели в голове, они были намного более высокого уровня, чем те, что читали преподаватели фифака. А. А. Нестерова научила меня мыслить концептуально, никогда не отрывать произведения от времени героя, стиль, идею от исторического контекста. Этим, естественно, я пользуюсь всю жизнь в своем преподавании!

Какие иногда мелочи оказывают серьезное влияние?! Было у Альбины Александровны одно колдовское платье: такой простой фасон называется «карандаш». Но составлено оно было из четырёх диагонально сшитых полотен полосатой ткани. Так эти полоски так точно были подогнаны, что заколдовывали! Я во время лекций всё пыталась найти неточность, но так и не обнаружила. Вот так же невозможно было найти нестыковки

в мыслях Альбины Александровны. Такая гармония формы и содержания! Всю жизнь стремлюсь к этому. И теперь, когда шью костюмы для спектаклей, всегда держу в голове как идеал волшебное платье Альбины Александровны Нестеровой.

Людмила Александровна Булюбаш – преподаватель речи, к сожалению, не на моём курсе. Но это главный человек на всех экзаменах, не только по речи, но и по мастерству!

У неё я училась смотреть и слушать. Так не умел никто: она слушала всей собой, кивала, одобряла, помогала, поддерживала! Потом могла раскритиковать всё, но во время выступления она давала такую энергию, что хотелось летать! Я несколько раз бывала на её уроках. Она говорила: «Иди через ощущения». Это было очень непривычно, потому что обычно учили через «вѣдения». Я только потом поняла, что сама Людмила Александровна была не «визуалистом», а «кинестетиком». Многие студенты, которые имели такую же вводящую информационную систему, расцветали с ней, а без неё их бы уже отчислили, потому что умели работать только с «визуалистами».

Я многим студентам помогала потом раскрыться, опираясь на кинестетическое восприятие, имея за спиной психологическую защиту, как бы индульгенцию, от такого потрясающего педагога, как Людмила Александровна Булюбаш.

Моим речевиком, правда только на первом курсе, была Евгения Ивановна Кириллова. Я тогда мало что понимала в этом предмете, мне было просто очень интересно, я старалась запомнить всё, что делалось на уроке, мне очень нравился азарт, увлечѣнность Евгении Ивановны.

А потом я сама стала речевиком, и многие упражнения Е. И. Кирилловой были мною использованы. Правда, оказалось, что я механически их повторяла, не до конца понимая глубинную суть. Однажды Евгения Ивановна приехала из Ленинграда, где жила, пришла ко мне на урок, посмотрела, послушала и сказала: «Все упражнения правильные, но ты их используешь хаотично, а их порядок должен быть простроен. Нужно нанизывать на стержень, как в детской пирамидке, каждую отдельную деталь урока, а каждый урок должен стать ступенькой в конечной семестровой пирамиде». С тех пор так я работаю всегда.

Преподаватель движения – Ирина Алексеевна Дацук. Человек довольно жѣсткий. Но я благодарна ей за эту жѣсткость, она научила собранности, вниманию к требованиям. Обычно во время урока она сидела на стуле, широко расставив ноги, и грубоватым голосом командовала: «Первое отношение к бегу, второе отношение к бегу!» Перед уроком полагалось снимать часы и класть их на пианино. Однажды я не успела их снять. Во время «первого отношения к бегу» слышу: «Сними часы, рохля!» Мне сильно не захотелось быть «рохлей», приучила себя внимательно относиться к требованиям! Вставала со стула Ирина Алексеевна только для того, чтобы очередного невнимательного студента огреть палкой по ногам: «Хорошо быть ловким!» – равнодушно говорила она в ответ на оханья и вопли! Пришлось научиться быстрому реагированию и ловкости!

Преподаватель французского языка – Софья Владимировна Гуревич. Великолепное чувство юмора! Уроки были такими веселыми, творческими, что захотелось выучить французский! Я принялась с энтузиазмом, через полгода заговорила. Софья Владимировна сказала мне: «Знаешь, моѣ произношение не идеально, а у тебя так хорошо получается, что хочется отвести тебя к моему знакомому, который окончил переводческий факультет, он тебе произношение поставит». Отвела – поставил!

Конечно, сейчас язык забылся, но в Париже французы удивлялись, что при моѣм ограниченном словарном запасе такое прекрасное произношение.

Однажды я бежала со второго этажа вниз, в подвал, после урока гри-ма. Мы учили, как делать раны. Все моѣ лицо было в «кровоподтеках» и

«шпрамах». Софья Владимировна выходила из учительской, столкнулась со мной, закричала и бросилась к телефону вызывать «Скорую». Я с трудом успела её остановить. Она, поняв, в чём дело, принялась так заразительно хохотать, что собралась толпа студентов. Вот была картинка – «израненная», «истекающая кровью» девушка и умирающие от смеха сокурсники во главе с педагогом!

Такая искренняя вера Софьи Владимировны в моё пострадавшее (загримированное) лицо вызвала у меня желание освоить грим более основательно. В результате я подала творческую заявку и сыграла в выпускном спектакле «Ревизор» бессловесного доктора Христиана Ивановича, и никто меня не узнал под гримом, все спрашивали моих однокурсников: «А что, какого-то нового мальчишка взяли?»

Софья Лазаревна Бейненсон – преподаватель истории русского театра. Тогда она только начала работать в училище, лекции были очень содержательными, но две вещи очень отвлекали: во-первых, она слишком часто говорила «так сказать», а во-вторых, её кольцо с аметистовой щёткой. Оно было окружено «кольчужкой» из колечек, которые то раскрывались, то закрывались... Мы считали её «так сказать» и наблюдали за поведением кольца.

Но после училища я на многие годы подружилась с Софьей Лазаревой. Она работала в филармонии и занималась организацией и проведением чтецких концертов. У неё безупречный литературный вкус. Актёры, которых приглашала Софья Лазаревна, сформировали моё понимание чтецкого жанра, сподвигли меня на освоение этой профессии. Я испытала много счастливых минут, исполняя по всему Нижнему Новгороду свои чтецкие программы. Эта практика легла в основу моего преподавания сценречи и художественного слова в училище, в университете, последующего преподавания в Америке, некоторых спектаклей, поставленных на сцене моего «Театра на крыше» в Бостоне.

Наконец я дошла до самого значимого для меня человека в училище – Татьяна Васильевна Цыганкова. Она была директором и преподавателем русской литературы и эстетики. О, сколько раз она спасала меня и моих сокурсников, как понимала она душу человеческую, как любила студентов, как умела прощать, каким блистательным юмором обладала! Тёплая, близкая, она управляла училищем, как мать своей семьей: и побранит, и пожалеет, и мозги вправит, и согреет. Красивая, элегантная, умная, образованная, красноречивая, эмоциональная, озорная, весёлая, обаятельная, очень человеческая! Студенты всегда показывали Татьяну Васильевну в капустниках, потому что её интонации и жесты легко запоминались. Ах, как заразительно она смеялась на этих показах! Хочется всё время ставить восклицательные знаки, говоря о Татьяне Васильевне!

Мой папа тоже когда-то преподавал эстетику. С подачи этих бесконечно значимых для меня людей я полюбила даже само слово «эстетика» и назвала мою школу «Детский научно-эстетический центр».

Однажды мои сокурсники не подготовились к зачету по литературе, решили попросить его перенести. Мы все встали на колени перед её кабинетом и запричитали что-то вроде: «Не погуби, матушка! Пощади, родимая! Дай сроку, всё сделаем!» Ну, прямо крепостные перед барыней! Она вышла из кабинета, мелко потрясла головой (её характерный жест) и, изображая возмущение, а на самом деле едва подавляя смех, сказала: «В зверинце живу!» Эту фразу я часто повторяю моим ученикам в похожих ситуациях. И дело, конечно, не во фразе, а в тоне, вернее, в камертоне, отталкиваясь от которого строятся все отношения между преподавателем и студентами.

Татьяна Васильевна и выстроила тот мост, по которому я перешла из театра в училище в качестве преподавателя речи. Однажды она пришла к нам домой, стукнула рукой по столу и сказала: «Ну, вот что, деточка (её характерное обращение), хватит ерундой заниматься! (То есть, толь-

ко в театре играть, а я тогда в ТЮЗе работала.) Давай-ка поступай в университет и начинай преподавать в училище речь! Слушать не хочу никаких отговорок!» Послушалась. Поступила в университет на филфак, стала преподавать, началась моя вторая жизнь в училище. Меня поддерживали и Татьяна Васильевна, и Людмила Александровна Булюбаш, и Юрий Михайлович Копылов – преподаватель мастерства на кукольном отделении, где я и начала работать.

Юрий Михайлович был волшебником: какую бы куклу он ни взял в руки, она тут же оживала! Мужскую, женскую, зверушку, любой системы. Показать – да! А вот объяснить что-либо для него было сложно. Вот и договорились мы, что я буду на его уроках сидеть, помогать с речевой логикой, а у него буду учиться особенностям кукольного мастерства. Мне было очень интересно. Юрий Михайлович сказал, что традиционно считается, что кукла не выдерживает длинной фразы. Тогда я решила попробовать это опровергнуть и взяла на речевой экзамен классические монологи, но с куклой. Агафья Тихоновна, монолог барона из «Скупого рыцаря» и тому подобные сложные тексты репетировали мы. Как же самоотверженно включился в эту работу Юрий Михайлович! И как я благодарна ему за это! Общее мнение на обсуждении после экзамена было, что мы победили, кукла выдерживает любые фразы. Студенты тоже гордились такой серьёзной работой, это их окрылило!

Я старалась учиться у всех, кто готов был учить. Татьяна Васильевна отправляла меня на речевые конференции, где занятия вели педагоги из Школы-студии МХАТ, РАТИ, Щукинского училища. Когда организовался «экспериментальный курс», Т. В. Цыганкова предложила мне преподавать там с правом экспериментировать. Но, безусловно, моим главным гуру был Анатолий Иванович Захаров. Если я что-то и понимаю в технике речи и голосоведения, то благодаря Анатолию Ивановичу. Я ходила к нему на уроки и занималась вместе с его студентами, что сначала вызвало недоумение с их стороны, а потом – уважение. Он был очень ироничен и колол в оценках, поэтому все дружно и радостно гоготали над его шутками, и только виновнику едкого замечания было не до смеха. Дело своё Захаров знал блестяще, умел вдохновлять, заражать. Студенты восхищались им, хвастились, что учатся у него.

Сцена из спектакля «Сороковые-роковые» на подмостках камерного «Театра на крыше» (Бостон, США)

Моим другом стала Ирина Владимировна Леурда – аккомпаниатор на уроках движения и танца. Человек очень творческий, зажигательный, гостеприимный. Вечно у неё в квартире толпились голодные студенты, которых она поила кофе, кормила, чем Бог послал, сама потом могла остаться голодной, но главное – в доме бесконечно обсуждались какие-то творческие проблемы. Оптимистический настрой Ирины Владимировны помогал ребятам вылезти из кризиса, из депрессии, найти оптимальные решения. По своей сути – она помощник, соратник, боец, который никогда не бросит, не подведет, вытащит!

Теперь я живу в Америке. У меня своя школа, где я учу детей русскому языку, литературе и основам артистизма. У меня свой камерный театр, где играют выращенные мною актёры. Мы недавно ездили на гастроли в Петербург. Нас приглашают в другие города и страны. Моя жизнь очень насыщена творческой работой, я счастливый, успешный и реализованный человек. И всё это благодаря моим педагогам, благодаря Театральному училищу!

Хочется верить, что и в моих бывших студентах, и в моих теперешних учениках что-то останется от меня, что-то прорастёт...

*2018 год
Бостон, США*
